

УДК 347.772

## О СООТНОШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ О ЗАЩИТЕ ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК С ПРИНЦИПОМ СПРАВЕДЛИВОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

© 2024 В. Н. Коваль

Севастопольский государственный университет

E-mail: v.n.koval@sevsu.ru

Поступила в редакцию 14.09.2024 г.

**Аннотация.** В статье рассматриваются отдельные проблемы реализации принципа справедливости в гражданском праве на примере положений Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за нарушение права на товарный знак (штрафных убытков) с учетом различных подходов гражданско-правовой доктрины, правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, направлений правоприменительной практики. Отмечается, что проблемы реализации принципа справедливости в гражданском праве актуализируются в связи с появлением виртуальной правовой реальности и необходимостью предотвращения ее разрушительного воздействия на субъект права и сохранения ценности права. Выделяются такие проблемы в данной сфере, как: отсутствие единообразного подхода к сущности штрафных убытков, влекущее неоднозначность правоприменительных актов; императивное определение в законе формулы расчета размера компенсации при истребовании двукратной стоимости права использования товарного знака; законодательное закрепление минимального размера компенсации при ее взыскании в размере от 10 тыс. до 5 млн руб.; не учитывается субъективная сторона, — в законодательстве отсутствует возможность не применять к нарушителю штрафные убытки, если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий; отсутствует дифференциация размера компенсации в зависимости от того, является ли правонарушитель юридическим лицом или же индивидуальным предпринимателем и другие. Сделан вывод о существенном смещении баланса интересов в российском гражданском законодательстве в сторону правообладателей, что не соответствует принципу справедливости. В статье обосновывается целесообразность внесения изменений в Гражданский кодекс РФ в части закрепления в нормах о защите права на товарный знак возможности не применять к нарушителю штрафные убытки, если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий.

**Ключевые слова:** нравственные основы права, справедливость, принцип справедливости в гражданском праве, интеллектуальная собственность, защита исключительных прав, компенсация за нарушение интеллектуальных прав, штрафные убытки, товарные знаки, неправомерное использование товарного знака, злоупотребление исключительным правом на товарный знак.

**Цитирование:** Коваль В. Н. О соотношении положений Гражданского кодекса РФ о защите права на товарный знак с принципом справедливости в условиях перехода к постсовременности // Государство и право 2024. № 10. С. 136–144.

DOI: 10.31857/S1026945224100123

# ON THE CORRELATION OF THE PROVISIONS OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE PROTECTION OF TRADEMARK RIGHTS WITH THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO POSTMODERNITY

© 2024 V. N. Koval

*Sevastopol State University*

*E-mail: v.n.koval@sevsu.ru*

Received 14.09.2024

**Abstract.** The article examines some problems of the implementation of the principle of justice in civil law on the example of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the recovery of compensation for trademark infringement (punitive damages), taking into account various approaches of civil law doctrine, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, areas of law enforcement practice. prevent its destructive impact on the subject of law and preserve the value of law. There are such problems in this area as: the lack of a uniform approach to the essence of punitive damages, entailing ambiguity of law enforcement acts; the imperative definition in the law of the formula for calculating the amount of compensation when claiming twice the value of the right to use a trademark; legislative consolidation of the minimum amount of compensation for its recovery in the amount of 10 thousand to 5 million rubles; the subjective side is not taken into account — there is no possibility in the legislation not to apply punitive damages to the violator if it is proved that the violator did not know about the illegal nature of his actions; there is no differentiation in the amount of compensation depending on whether the offender is a legal entity or an individual entrepreneur and others. It is concluded that there is a significant shift in the balance of interests in Russian civil legislation towards copyright holders, which does not correspond to the principle of fairness. The article substantiates the expediency of amending the Civil Code of the Russian Federation in terms of fixing in the norms on the protection of trademark rights the possibility of not applying punitive damages to the violator if it is proved that the violator did not know about the illegal nature of his actions.

**Key words:** the moral foundations of law, justice, the principle of justice in Civil Law, intellectual property, protection of exclusive rights, compensation for intellectual property infringement, punitive damages, trademarks, misuse of a trademark, abuse of the exclusive right to a trademark.

**For citation:** Koval, V.N. (2024). On the correlation of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of trademark rights with the principle of justice in the context of the transition to postmodernity // *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, No. 10, pp. 136–144.

В связи с происходящими в мире глобальными трансформациями во всех сферах человеческого бытия современный этап развития общества можно охарактеризовать как переходный к новой модели общественных отношений — к цифровому миру. Повсеместная цифровизация привела к параллельному существованию человека в мире реальном и в мире виртуальном, при этом последний уже сейчас начинает преобладать. Как следствие, современная юридическая наука испытывает кризис, связанный с осознанием новой правовой реальности и поиском новых подходов к ее исследованию.

В условиях перехода к постсовременности в российской юриспруденции можно выделить такие особенности, как антропологический поворот и цифровой поворот, характеризующийся появлением виртуальной правовой реальности<sup>1</sup>.

Ряд ученых обоснованно связывает с масштабной цифровизацией и переходом к эпохе шестого технологического уклада информационное воздействие юриспруденции, проявляющееся в программировании

<sup>1</sup> См.: Павлов В. И. Трансформация субъекта права в условиях «цифрового поворота»: антрополого-правовой анализ // *Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2021. С. 24.*

мотивов и интересов субъектов права и в итоге влекущее манипулирование сознанием человека<sup>2</sup>. Именно субъекты права (как обращающиеся в суд за защитой, так и судьи) являются постоянной фигурой юридической реальности в контексте любого из подходов к сущности права. Поэтому необходимо переосмыслить все концепции права. Однако, как верно отмечает В.И. Павлов, соответствующим образом могут ответить на вызов цифровизации лишь антропологически чувствительные концепции права, в которых право рассматривается через призму действующего в них человека<sup>3</sup>. Одним из основных способов предотвращения разрушительного воздействия виртуальной реальности на субъект права и тем самым сохранения ценности права видится усиление в праве его нравственных основ. Повсеместная цифровизация актуализирует необходимость анализа правовых явлений через нравственные категории. Усиление нравственных основ права способствует формированию нового ценностного юридического мировоззрения, способного противостоять информационному воздействию юриспруденции.

При исследовании феномена права правоведы и философы указывают на его нравственную природу, на наличие в нем идеи справедливости, которой оно должно соответствовать. Недооценка нравственной природы права влечет вредоносные последствия для российской правовой системы (утрату эффективности функционирования всех ее элементов), а значит, и для поступательного развития российского общества.

Анализируя нравственный идеал в праве, А.М. Величко выделяет в нем три элемента: этику, или Правду (понятие о добре и зле); идею свободы личности; цель личного и общественного развития (социально-политический идеал и смысл человеческой жизни), которые и являются объективными признаками права как социально-политического и духовного феномена. Без нравственной составляющей не имеет смысла само существование права<sup>4</sup>.

Как указывает Г.А. Гаджиев, право не находится в готовом виде в законе, из которого его можно извлечь; при отправлении правосудия судья связан законом; но, применяя закон, судья должен соотносить его с признанными в обществе принципами справедливости, с природой вещей, т.е.

со справедливостью в конкретной ситуации. Право есть то, что возникает из закона в процессе правосудия.

Право с различной степенью конкретности реализуется в принципах справедливости (идее права) и в законе, и в правомерном поведении, и в судебном решении<sup>5</sup>.

Как отмечает С.А. Иванова, справедливое право должно обеспечивать права и свободы человека, учитывать различные интересы и способствовать достижению консенсуса в обществе<sup>6</sup>.

Следует согласиться с А.И. Экимовым в том, что справедливость — это нравственно обоснованный критерий для соизмерения действий субъектов, в соответствии с которым осуществляется воздаяние каждому за его поступки в виде наступления тех или иных последствий<sup>7</sup>.

Принцип справедливости в гражданском праве выступает как следствие реализации в нем принципа общей теории права — принципа социальной справедливости, имеющего морально-правовое содержание<sup>8</sup>. Однако, по мнению Г.А. Гаджиева, принцип справедливости не очень популярен в российской науке частного права<sup>9</sup>.

Реализация принципа справедливости в гражданском праве призвана обеспечить в том числе индивидуализацию правовых санкций с учетом характера совершенного деяния и личностных свойств правонарушителя.

Так, положения абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, поименованной как «Защита исключительных прав», прямо предписывают суду при определении размера компенсации за нарушение исключительных прав руководствоваться требованиями разумности и справедливости, определять размер компенсации в пределах, установленных Гражданским кодексом РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела.

Тем не менее анализ судебной практики по спорам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав позволяет сделать вывод о том, что различные суды, применяя одинаковые статьи закона и ссылаясь при этом

<sup>2</sup> См.: *Сорокин В.В.* Субъект права в перспективе электронного государства // *Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило.* М., 2021. С. 65.

<sup>3</sup> См.: *Павлов В.И.* Указ. соч.

<sup>4</sup> См.: *Величко А.М.* Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). СПб., 2002. С. 10.

<sup>5</sup> См.: *Гаджиев Г.А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2016. С. 132.

<sup>6</sup> См.: *Иванова С.А.* Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. М., 2005. С. 139.

<sup>7</sup> См.: *Экимов А.И.* Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 49.

<sup>8</sup> См.: *Иванова С.А.* Указ. соч.

<sup>9</sup> См.: *Гаджиев Г.А.* Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // *Вестник экономического правосудия РФ.* 2017. № 4. С. 66.

на принцип справедливости, выносят по аналогичным делам различные по содержанию судебные акты, что актуализирует необходимость уточнения отдельных норм Гражданского кодекса РФ об интеллектуальной собственности с учетом возможности реализации в них принципа справедливости.

Кроме того, ряд авторов отмечают, что в российском гражданском законодательстве баланс интересов существенно смещен в сторону правообладателей, что часто приводит к взысканию чрезмерного размера компенсации, не соответствующего тяжести действий правонарушителей<sup>10</sup>.

Вышеизложенное подтверждается, в частности, судебной практикой по спорам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав (неправомерное использование товарного знака).

Так, например, согласно решению Арбитражного суда г. Москвы от 30 января 2024 г. по делу № А40-253361/23-12-2073 при размере заявленных исковых требований в 2 млн руб. за неправомерное использование юридическим лицом двух объектов интеллектуальной собственности (исключительных прав на дизайнерское решение и товарного знака), исходя из стоимости в 1 млн руб. за один объект интеллектуальной собственности, суд счел, что в данном случае размер компенсации, заявленный истцом, является несоразмерным, в связи с чем он подлежит снижению до 400 тыс. руб., исходя из стоимости 200 тыс. руб. за один объект интеллектуальной собственности (*т.е. снижен в пять раз по сравнению с заявленным*)<sup>11</sup>. Напротив, решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 декабря 2023 г. по делу № А56-33484/2023 в полном объеме удовлетворено требование о взыскании компенсации за неправомерное использование товарного знака ответчиком, являющимся индивидуальным предпринимателем, правонарушение совершено им так же впервые, как и в предыдущем случае<sup>12</sup>.

Арбитражным судом Самарской области согласно решению от 18 мая 2023 г. по делу № А55-3131/2023 в два раза снижен размер компенсации за неправомерное использование юридическим лицом товарного знака «Кремлевский» с заявленных ко взысканию по ст. 1515 ГК РФ 948 тыс. руб. до 474 тыс. руб.<sup>13</sup> В то же время при рассмотрении аналогичного дела (*тот же истец,*

*те же размер и основание исковых требований*) Арбитражным судом города Севастополя решением от 19 марта 2024 г. по делу № А84-4516/2023 также в два раза снижен размер компенсации за неправомерное использование индивидуальным предпринимателем товарного знака «Кремлевский» (с 948 тыс. до 474 тыс. руб.)<sup>14</sup>. То есть за аналогичное правонарушение разными судами в два раза снижен размер компенсации за неправомерное использование товарного знака и юридическому лицу (относящемуся к малому бизнесу, со штатом сотрудников 45 человек), и индивидуальному предпринимателю (относящемуся к микробизнесу), который даже не знал о противоправном характере своих действий.

При этом, определяя подлежащий взысканию размер компенсации, суды во всех указанных судебных актах ссылались на принципы разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения, а также ссылались на учет характера нарушения и степени вины нарушителя. Однако представляется, что отсутствие в указанных судебных актах дифференцированного подхода к применению мер гражданско-правовой ответственности в зависимости от личностных свойств правонарушителя с учетом того, является ли таковым юридическое лицо или физическое лицо, обладающее статусом индивидуального предпринимателя, связано с неопределенностью положений ст. 1515 ГК РФ, что делает дискуссионным вопрос о реализации в них принципа справедливости.

Как отмечает С.В. Грибанова, в судебной практике отсутствуют четкие критерии расчета взыскиваемой компенсации за неправомерное использование товарного знака при принятии судом решения о ее снижении. Кроме того, автор вполне обоснованно указывает на правовую неопределенность норм, посвященных этому способу защиты гражданских прав, порождающую произвольность их применения и в конечном счете приводящую к дисбалансу интересов сторон<sup>15</sup>.

Исходя из содержания п. 4 ст. 1515 ГК РФ, правообладателю предоставлено право требовать по своему усмотрению от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты одного из следующих трех видов компенсации: 1) в размере от 10 тыс. до 5 млн руб., определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения (п/п. 1 п. 4 ст. 1515); 2) в двукратном размере стоимости

<sup>10</sup> См., напр.: Еременко В.И. Конституционный Суд РФ о компенсации за незаконное использование товарного знака // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 3. С. 29.

<sup>11</sup> См.: СПС «КонсультантПлюс».

<sup>12</sup> См.: СПС «КонсультантПлюс».

<sup>13</sup> См.: СПС «КонсультантПлюс».

<sup>14</sup> См.: СПС «КонсультантПлюс».

<sup>15</sup> См.: Грибанова С.В. Защита исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: некоторые вопросы теории и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 41.

товаров, на которых незаконно размещен товарный знак (п/п. 2 п. 4 ст. 1515), или 3) в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака (п/п. 2 п. 4 ст. 1515).

При этом Постановлением Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П положения п/п. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ признаны частично не соответствующими Конституции РФ, так как в них императивно установлен нижний порог компенсации за нарушение интеллектуальных прав в размере 10 тыс. руб., который, соответственно, не подлежал снижению, что при наличии множественности нарушений создавало непомерные имущественные последствия для нарушителя; указанные положения п/п. 1 не учитывали индивидуальных особенностей нарушения и личность нарушителя, а потому они не соответствуют принципу справедливости и соразмерности ответственности<sup>16</sup>.

Значительную роль в дальнейшем развитии позиции Конституционного Суда РФ относительно соответствия принципу справедливости норм Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за нарушение интеллектуальных прав сыграли положения еще одного его постановления (от 13.02.2018 № 8-П), в котором Конституционный Суд РФ подчеркнул необходимость соблюдения в каждом конкретном случае баланса основных прав конкретного лица и общего интереса, определив содержание последнего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств. При этом в каждом деле необходимо определять меры гражданско-правовой ответственности исходя из требований адекватности порожаемых ими последствий причиненному вреду, чтобы обеспечивалась их соразмерность правонарушению<sup>17</sup>.

Однако сформировавшаяся на основании п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ судебная практика исходила из того, что размер компенсации, истребуемый исходя из положений п/п. 2 п. 4 ст. 1515, по смыслу п. 3 ст. 1252 ГК РФ является единственным размером

компенсации, он предусмотрен законом, поэтому не может быть снижен по инициативе суда<sup>18</sup>.

То есть судебная практика, сформировавшаяся на основании п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, восприняв смысл только абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК РФ как императивное указание о запрете снижения размера компенсации, не восприняла смысл положений абз. 2 п. 3 ст. 1252, предписывающих суду при определении размера компенсации руководствоваться требованиями справедливости и разумности.

Поэтому вполне закономерно, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П положения п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ также признаны частично не соответствующими Конституции РФ, поскольку они не позволяют суду при определении размера компенсации за нарушение индивидуальным предпринимателем исключительного права на один товарный знак снизить его с учетом фактических обстоятельств дела, что может повлечь несоразмерность применяемой к ответчику имущественной санкции причиненному ущербу и нарушит баланс прав и законных интересов субъектов охранительного правоотношения.

Конституционный Суд РФ сделал вывод о том, что с учетом обстоятельств конкретного дела размер компенсации, взыскиваемой на основании п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, может быть снижен судом<sup>19</sup> при наличии следующих условий:

размер компенсации многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков;

правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые;

использование спорных объектов интеллектуальной собственности не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер<sup>20</sup>.

Следует также отметить, что в Постановлении № 40-П Конституционный Суд РФ подчеркнул значение положений абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, предписывающих суду определять размер компенсации в пределах, установленных Гражданским кодексом РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости. На основании

<sup>16</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

<sup>17</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.

<sup>18</sup> См.: Еременко В. И. Указ. соч.

<sup>19</sup> Не более чем в два раза; при этом он не может быть меньше стоимости права использования товарного знака.

<sup>20</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.

п. 4.3 указанного Постановления суды получили возможность дифференцировать размер компенсации в зависимости от личности правообладателя и нарушителя и способа нарушения.

Кроме того, Постановлением № 40-П устранена неопределенность в вопросе, нужно ли правообладателю при взыскании компенсации доказывать само наличие убытков (п. 3 ст. 1252 ГК РФ), и дан положительный ответ на данный вопрос.

Выводы Конституционного Суда РФ, приведенные в Постановлении № 40-П, восприняты Верховным Судом РФ и отражены в п. 31 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2021) (далее – Обзор № 2). В Обзоре № 2 Верховный Суд РФ подтвердил, что формула расчета размера компенсации при истребовании двукратной стоимости права использования товарного знака императивно определена законом, поэтому суд может назначить меньшую сумму по сравнению с заявленной истцом, если установит, что стоимость права использования товарного знака ниже заявленной истцом, и такое уменьшение не будет являться снижением размера компенсации<sup>21</sup>.

Далее в развитие выводов, направленных на реализацию принципа справедливости в нормах Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав, Конституционным Судом РФ принято постановление от 14 декабря 2023 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» (далее – Постановление № 57-П), которым признаны не соответствующими Конституции РФ п. 3 ст. 1252 и п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в той мере, в какой они при взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в двукратном размере стоимости товаров, на которых он незаконно размещен, не позволяют снизить ее размер или отказать в ее взыскании, если ранее по иску другого правообладателя с нарушителя был взыскан аналогичный вид компенсации, в том числе в случаях, если правообладатели являются аффилированными лицами. Кроме того, в Постановлении № 57-П Конституционный Суд в очередной раз подчеркнул, что суд должен учитывать все значимые обстоятельства дела, в том числе характер нарушения и его последствия, наличие аффилированности правообладателей, взыскивался ли ранее данный вид компенсации по иску другого правообладателя, и при несоответствии ее размера требованию справедливости и равенства по заявлению

ответчика снизить размер компенсации ниже установленной п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ<sup>22</sup>.

С учетом выводов Конституционного Суда РФ, представленных в постановлениях № 28-П, № 40-П и № 57-П, Президиум Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г. утвердил специальный обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, положения которого направлены на реализацию принципа справедливости при рассмотрении дел о взыскании компенсации за нарушение прав на товарный знак (далее – Обзор 15.11.2023)<sup>23</sup>.

Одним из важнейших выводов, приведенных в Обзоре 15.11.2023, является вывод о признании действий правообладателя по приобретению прав на товарный знак, по его использованию и применению конкретных мер защиты злоупотреблением правом при наличии следующих условий:

если он приобретал право на товарный знак с намерением взыскивать с добросовестных участников гражданского оборота компенсации за нарушение исключительного права;

если у правообладателя отсутствовал экономический интерес и цель использования товарного знака для индивидуализации товаров.

Как указал Верховный Суд РФ, правообладатель совершил попытку получить судебную защиту путем имитации нарушения исключительного права, что свидетельствует о намерении причинить вред другому лицу и о злоупотреблении им правом<sup>24</sup>. Соответственно, по смыслу ст. 1 и 10 ГК РФ с учетом правовых позиций, содержащихся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и в п. 154, 162, 170, 171 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», признание указанных действий правообладателя злоупотреблением правом является основанием для отказа в иске. Кроме того, если суд признает злоупотреблением правом действия правообладателя по приобретению товарного знака, то на основании ст. 1513 ГК РФ предоставление правовой охраны такому товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным<sup>25</sup>.

<sup>22</sup> См.: СЗ РФ. 2023. № 52, ст. 9760.

<sup>23</sup> См.: Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

<sup>24</sup> См.: там же.

<sup>25</sup> См.: Кирьянова Е.В., Романенкова Е.И. Интеллектуальная собственность. Обзор событий в России и за рубежом (второе полугодие 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>21</sup> См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 10.

Однако, несмотря на выводы Конституционного Суда РФ, представленные в Постановлениях № 28-П, № 40-П и № 57-П изменения в ст. 1515 ГК РФ, обеспечивающие реализацию в ее положениях принципа справедливости, до настоящего времени не внесены. Кроме того, даже с учетом выводов Конституционного Суда РФ, отраженных в вышеуказанных его постановлениях, формулировка ст. 1515 ГК РФ не обеспечивает реализацию в ее положениях принципа справедливости, что, как представляется, связано прежде всего с отсутствием единства взглядов на правовую природу компенсации за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности как среди правоприменителей, так и среди представителей цивилистической науки.

Среди имеющихся в юридической науке подходов к правовой природе компенсации за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности можно выделить три основных:

компенсация за нарушение исключительных прав представляет собой институт нормативно установленных и карательных по целям убытков<sup>26</sup>;

она является специальной (*suī generis*) мерой гражданско-правовой ответственности, в которой соединены восстановительный и штрафной элементы<sup>27</sup>;

она представляет собой неустойку<sup>28</sup>.

В этой связи представляется обоснованной точка зрения Г.А. Гаджиева, считающего, что компенсация за нарушение исключительных прав представляет собой институт карательных убытков, реципированный в российское законодательство из американской правовой системы и не распространенный в континентальном праве; он противоречит фундаментальным принципам частного права. Как указывает Г.А. Гаджиев, в доктрине США карательные убытки являются уголовной мерой ответственности, применяемой судом в гражданском судопроизводстве, поэтому они не обеспечивают гарантии прав нарушителя, которые существуют в уголовном судопроизводстве. Суду сложно проконтролировать их размер, в связи с чем они часто являются несправедливыми и приводят к сверхдоходам истца, что создает у него антисоциальные стимулы.

<sup>26</sup> См.: Гаджиев Г.А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права. С. 66.

<sup>27</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.

<sup>28</sup> См.: Вятчин В.А. О применении неустойки в необязательственных правоотношениях // Росс. юстиция. 2020. № 7. С. 12.

Тем не менее, в США при их взыскании учитывается субъективная сторона, — если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий, размер наказательных убытков снижается в три раза<sup>29</sup>. Несмотря на критику в американской юридической литературе, США с помощью международных договоров и других методов воздействия эффективно экспортируют институт карательных убытков в правовые системы других государств. Тем не менее ряд стран принимает меры по предотвращению антисоциального влияния института карательных убытков, например, отказывается от законодательного закрепления их минимального размера. Представляется, что принятие таких мер назрело и для российского гражданского законодательства.

В настоящее время, как отмечают представители юридической науки, вектор развития права направлен в сторону его социализации. Возрастает количество концепций, обосновывающих необходимость закрепления в праве принципов социальной справедливости. В российском гражданском праве принципы свободы экономической деятельности и равенства участников гражданских правоотношений рассматриваются в контексте направленности на решение при помощи правовых средств общих социальных задач с целью поступательного развития общества<sup>30</sup>. В связи с изложенным особую актуальность приобретает реализация в гражданском праве принципа справедливости, позволяющего учитывать обстоятельства конкретного дела.

### Выводы

1. Проблемы реализации принципа справедливости в гражданском праве актуализируются в связи с появлением виртуальной правовой реальности и необходимостью предотвращения ее разрушительного воздействия на субъект права и сохранения ценности права.

2. Несмотря на то что реализация принципа справедливости в гражданском праве призвана обеспечить в том числе индивидуализацию правовых санкций с учетом характера нарушения и личностных качеств правонарушителя, в положениях Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за нарушение права на товарный знак (штрафных убытков) не обеспечивается такая индивидуализация правовых санкций.

3. В положениях Гражданского кодекса РФ о взыскании штрафных убытков не учитывается

<sup>29</sup> Гаджиев Г.А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права. С. 69.

<sup>30</sup> См.: Видра Д., Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия // Гражданское право. 2020. № 4. С. 17.

субъективная сторона, — в законодательстве отсутствует возможность не применять к нарушителю штрафные убытки, если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий; отсутствует дифференциация размера компенсации в зависимости от того, является ли правонарушитель юридическим лицом или же индивидуальным предпринимателем.

4. Баланс интересов в российском гражданском законодательстве существенно смещен в сторону правообладателей, что не соответствует принципу справедливости. Чуждый российскому праву институт штрафных убытков, надлежаще не адаптированный к российской правовой системе, порождает взыскание с ответчика несправедливого размера компенсации, что влечет сверхдоходы истца. В результате искажаются функции права, утрачивается его социальное назначение.

5. Представляется необходимым включить в Гражданский кодекс РФ положения, направленные на обеспечение баланса интересов правообладателя и нарушителя и, тем самым, на реализацию принципа справедливости в нормах о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав.

6. С учетом того, что компенсация за нарушение права на товарный знак является карательной мерой гражданско-правовой ответственности, привнесенной в российское право из системы общего права (США), не свойственной континентальному праву и противоречащей фундаментальным принципам частного права, для реализации принципа справедливости в нормах Гражданского кодекса РФ, регулирующих ее взыскание, представляется целесообразным внести в ст. 1515 положения, предписывающие суду в случае, если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий, не применять к нему данную меру.

7. С целью достижения индивидуализации правовых санкций с учетом характера нарушения и личностных качеств правонарушителя, и, тем самым, с целью реализации принципа справедливости представляется целесообразным внести изменения в положения Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за неправомерное использование товарного знака, позволяющие дифференцировать размер компенсации в зависимости от того, является ли нарушитель юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, а также в зависимости от его принадлежности к макробизнесу или микробизнесу.

Представляется необходимым систематизировать все выводы Конституционного Суда РФ о взыскании штрафных убытков (о минимальном размере компенсации, о необходимости доказанности факта несения правообладателем убытков для взыскания компенсации, о признаках злоупотребления

правом в действиях правообладателя и др.), содержащиеся в его постановлениях, и внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Величко А.М.* Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). СПб., 2002. С. 10.
2. *Видра Д., Санникова Л.В., Харитонов Ю.С.* Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия // Гражданское право. 2020. № 4. С. 17.
3. *Вятчин В.А.* О применении неустойки в необязательственных правоотношениях // Росс. юстиция. 2020. № 7. С. 12.
4. *Гаджиев Г.А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2016. С. 132.
5. *Гаджиев Г.А.* Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 4. С. 66, 69.
6. *Грибанова С.В.* Защита исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: некоторые вопросы теории и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 41.
7. *Еременко В.И.* Конституционный Суд РФ о компенсации за незаконное использование товарного знака // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 3. С. 29.
8. *Иванова С.А.* Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. М., 2005. С. 139.
9. *Кирьянова Е.В., Романенкова Е.И.* Интеллектуальная собственность. Обзор событий в России и за рубежом (второе полугодие 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
10. *Павлов В.И.* Трансформация субъекта права в условиях «цифрового поворота»: антрополого-правовой анализ // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2021. С. 24.
11. *Сорокин В.В.* Субъект права в перспективе электронного государства // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2021. С. 65.
12. *Экимов А.И.* Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 49.

## REFERENCES

1. *Velichko A.M.* Moral and national foundations of law (collection of articles on Philosophy and History of Law). SPb., 2002. P. 10 (in Russ.).

2. *Vidra D., Sannikova L.V., Kharitonova Yu. S.* Socialization of law and distributed registry technology: transformation of regulatory impact // *Civil Law*. 2020. No. 4. P. 17 (in Russ.).
3. *Vyatchin V.A.* On the application of penalties in non-binding legal relations // *The Russian justice system*. 2020. No. 7. P. 12 (in Russ.).
4. *Gadzhiev G.A.* Ontology of law (critical study of the legal concept of reality). M., 2016. P. 132 (in Russ.).
5. *Gadzhiev G.A.* Principles of justice and trust in the court as fundamental principles of private law // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2017. No. 4. Pp. 66, 69 (in Russ.).
6. *Gribanova S.V.* Protection of the exclusive right to the results of intellectual activity and means of individualization: some issues of theory and law enforcement practice // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2019. No. 9. P. 41 (in Russ.).
7. *Eremenko V.I.* Constitutional Court of the Russian Federation on compensation for illegal use of a trademark // *IS. Industrial Property*. 2021. No. 3. P. 29 (in Russ.).
8. *Ivanova S.A.* The principle of social justice in the Civil Law of Russia. M., 2005. P. 139 (in Russ.).
9. *Kiryanova E.V., Romanenkova E.I.* Intellectual property. Review of events in Russia and abroad (the second half of 2023) // *SPS "ConsultantPlus"* (in Russ.).
10. *Pavlov V.I.* Transformation of the subject of law in the conditions of the "digital turn": anthropological and legal analysis // *The subject of law: stability and dynamics of legal status in the context of digitalization: a collection of scientific papers / under the general ed. of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo*. M., 2021. P. 24 (in Russ.).
11. *Sorokin V.V.* The subject of law in the perspective of an electronic state // *The subject of law: stability and dynamics of legal status in the context of digitalization: a collection of scientific papers / under the general ed. of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo*. M., 2021. P. 65 (in Russ.).
12. *Ekimov A.I.* Justice and Socialist Law. Leningrad, 1980. P. 49 (in Russ.).

### Сведения об авторе

**КОВАЛЬ Владимир Николаевич** —  
доктор юридических наук,  
профессор кафедры  
«Гражданское право и процесс»,  
директор Юридического института  
Севастопольского государственного  
университета; 299053 г. Севастополь,  
ул. Университетская, д. 33

### Authors' information

**KOVAL Vladimir N.** —  
Doctor of Law,  
Professor of the Department  
of Civil Law and Process,  
Director of the Law Institute,  
Sevastopol State University;  
33 Universitetskaya str.,  
299053 Sevastopol, Russia